

А.А.Слинько

Латинская Америка: правоцентристский тренд в альтернативной политике

В статье рассматривается процесс трансформации «левого поворота» в Латинской Америке в центристскую и правоцентристскую модели политики. Отмечается, что в условиях кризиса центризм и правоцентризм сохраняют свой революционный обновленческий потенциал.

Ключевые слова: альтернативная политика, иберо-американский мир, левый поворот, правоцентризм.

Альтернативная политика в Латинской Америке, связанная с политическими процессами в большинстве стран континента¹, приобретает все более очевидный правоцентристский и центристский оттенки. Подобный тренд был свойственен «левому повороту» изначально, но в связи с уходом в оппозицию испанских социалистов приобрел более четкий и определенный характер. Кризис государства «всеобщего благоденствия» на Западе, заметный еще в 1990-е годы, в то время в России практически не изучался, поскольку неолиберальный идеал считался полезным для ситуации переходного периода. На Западе официальная наука также лишь изредка обращалась к теме системного кризиса либерального государства², но обваль- ный демографический спад, декларация отказа и от мультикультурализма, и от ценностей государства «всеобщего благосостояния» в ходе кризиса 2008—2012 гг. в Европе сильно изменили политические процессы в иберо-американском мире. В недрах государства «всеобщего благоденствия» в ходе неолиберальных реформ был констатирован разрыв между экономическим и социальным миром³. Количество людей, исключенных из активной социальной жизни постоянно увеличивалось, а ответ на вызовы «за-стребал» между формулой «рынок все решит» с одной, праволиберальной стороны, и псевдореволюционной риторикой — с левой⁴. За всем этим в Испании стоял исторический компромисс между правительством и инсти-

Александр Анатольевич Слинько — доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой международных отношений и регионоведения Воронежского государственного университета (aleksandr_slinko@mail.ru).

туализированными профсоюзами. За создавшуюся ситуацию несут ответственность и правые, и левые, и правительство, и организованное рабочее движение⁵. Мечта о новой политической культуре, которая прервала бы движение государства «всеобщего благоденствия» в пропасть, так и осталась мечтой. Коммунистический реализм, вылившийся в формулы крайнего номинализма и догматической левизны в виде «полной занятости» и «непрерывного роста», в конце концов завел весь ортодоксальный левый спектр или в «башню из слоновой кости», построенную социал-демократией, или на путь поиска антидемократических решений⁶. Социальная исключенность огромных масс населения и в Испании, и в Латинской Америке привела идеалы государства социального благополучия к банкротству. Мистификация понятий левыми — государства, правыми — рынка вылилась в тупик, выход из которого очень трудно найти. Возникла рутинная политика «антисолидарности» старых институтизированных профсоюзов, которые временами всеми правдами и неправдами уходили в сторону от интересов миллионов людей, оказавшихся в положении социально исключенных.

«Левый поворот» в Латинской Америке означал во многом попытку соединить традиционную для Запада политику и практику представительной демократии с политикой и практикой демократии прямой, опирающейся на настроения наиболее социально исключенных слоев общества. Эксперименты в Эквадоре, Боливии, Венесуэле и других странах имели успех. Средний класс этих стран, разочаровавшись в неолиберализме, считал полезным расширение демократии для стабилизации политического процесса. Следует обратить внимание на то, что венесуэльская элита, при всей ее увлеченности кубинскими экспериментами (вплоть до формирования получившей распространение легенды о «Венекубе»), прежде всего стремится использовать опыт кубинцев в сфере здравоохранения, т.е. речь идет о всемирно признанных достижениях, которые заслуживают внимания даже самых развитых стран мира⁷. С другой стороны, обстановка непрерывного межплеменного диалога в индейской среде вывела на поверхность глубинные политические тенденции в индейском мире, которые раньше не были известны. В Боливии Эво Моралес часто реально погружен в индейскую жизнь⁸, раньше находившуюся за пределами политики вообще, а, следовательно, стабилизирует ситуацию в стране. Боливийский средний класс, по мнению экспертов, считает подобный путь верным для цементирования нации, находящейся в процессе становления.

Перуанского обывателя долгое время пугали победой «левого националиста» Ольянта Умалы, но массовые забастовки шахтеров в условиях усиливающегося кризиса заставили бывшего левого популиста решительно повернуть к правому центру. Предпринятые правительством меры, такие, как создание министерства социальной интеграции, повышение минимальной оплаты труда и политика в отношении рабочих, направленная на защиту их прав, не перекрывают главного рационального выбора Умалы — поддержки линии на демократическую концентрацию общества и расширение рыночных реформ в глобальном контексте⁹.

В Эквадоре Рафаэль Корреа остался верен основной линии альтернативной политики — выводу политического процесса за пределы традиционной партийно-политической системы. В риторике новой политической элиты это звучит как «баланс между социальной трансформацией и государством». При этом альтернативная политика в условиях Эквадора достигла предела своих возмож-

ностей. Президент в январе 2012 г. отмечал: «У нас не произошло главное — не изменилась культура, а это самое трудное в современных условиях»¹⁰. Политический тупик усиливается продолжающимся конфликтом с коллективом и журналистами гуайякильской газеты «El Universo», что рассматривается и позиционируется зарубежными СМИ как признак антидемократического характера режима. По данным «Latinobarómetro», ныне число эквадорцев, не уверенных в завтрашнем дне, составляет 62%¹¹.

В Аргентине, где зарождалась современная альтернативная политика, где изначально отмечался ее правоцентристский характер, президент Кристина Фернандес де Киршнер не акцентирует усиливающееся влияние своего сына. Его перонистская левоцентристская фракция «Сапрога» укрепляет свои позиции, но держится на втором плане, не имея, по сути, ни одного министерского поста¹².

Правоцентризм и центризм довольно активно способствуют стабильности в Доминиканской Республике, где расширяется сектор экономичного жилья, общественного питания, доступной инфраструктуры¹³.

В целом правоцентристская трансформация — это достаточно рациональный выбор латиноамериканской политической элиты в условиях ухудшающегося макроэкономического положения. Кризис ослабляет социальную политику, трудовые мигранты все чаще возвращаются из кризисных Европы и США. Феномен усиливающейся криминальной войны, к примеру, в Мексике, сопровождается запредельной технической оснащённостью мафиозных структур. Характерен набор традиционных новостей из провинциальной «El Diario»: перестрелка с многочисленными жертвами в одном из баров Монтеррея и обнаружение в отдаленном районе ранчо с полным набором шпионского оборудования¹⁴. Криминальная война и мировой кризис обесценивают реформы. Уход левоцентристов от власти в Гватемале и приход к рычагам управления известного генерала — характерный сдвиг для современной латиноамериканской политики.

В этих условиях центризм и правоцентризм превращаются в единственный путь сохранения революционных завоеваний. Эволюция вправо таких режимов, как венесуэльский и эквадорский, — это вполне реальная перспектива, но от этого эти режимы не теряют свой альтернативный характер. Они позволяют таким феноменам, как возрожденный сандинизм в Никарагуа или революционная Куба, медленно и неуклонно эволюционировать в сторону от авторитаризма и репрессивности. При этом в Латинской Америке выигрывает глобальный процесс интеграции и создаются условия для реальных возможностей превращения континента в политического гиганта, вполне защищенного от имперских захватов и акций типа Мальвинской войны. Как показал пример политики Н.Киршнера, даже самый умеренный центризм и правоцентризм в условиях глобального кризиса приобретает вполне революционный характер, когда отстаивают национальный суверенитет и идеалы гуманизма.

Характерно, что левым правительствам часто присущ правоцентристский крен как во внутренней, так и во внешней политике. Порой левые в своей деятельности руководствуются традиционными либеральными ценностями. Так, левый президент Уругвая Хосе Мухика постоянно декларирует и близкие отношения с Соединенными Штатами, и сближение с бразильским левоцентристским правительством, отталкиваясь от ставшего традиционным экономического противостояния с соседней Аргентиной¹⁵.

К системному традиционному центризму и правоцентризму Латинская Америка двигалась довольно давно. Характерной особенностью и перонистского движения, и апризма было сочетание общедемократических, националистических и революционных тенденций. Однако именно последний цикл мирового кризиса, начавшегося в 2008 г., привел к формированию на континенте многослойной политической палитры, которая, тем не менее, образовала некий прообраз единого политического будущего континента. Одной из особенностей возникшей альтернативной политики является осознание недопустимости ликвидации феноменов кубинской и никарагуанской революций. Альтернативные в нынешних условиях даже революционный центризм и правоцентризм готовы ассимилировать опыт антиамериканских социалистических революций 1960—1970-х годов с целью недопущения их ликвидации с позиции европейского и североамериканского псевдодемократического и протестантского фундаментализма. Защита сектора самого беднейшего населения самых бедных стран в рамках формирования альтернативной экономической системы — рациональная и социально востребованная задача бизнес-элит всего континента, группирующихся вокруг идей социальной концентрации и общеконтинентальной консолидации.

Наконец, революционно-центристский крен смог существенно подвинуть проамериканский курс экс-президента Колумбии Альваро Урибе. Хуан Мануэль Сантос — нынешний президент страны — склоняется к тактике разрыва с агрессивной триумфалистской политикой предыдущей администрации. «Вывод старых урибистов из новой администрации, прогрессирующее сближение с Каракасом, акцентирование внимания на создании большой коалиции во главе с либералами, стремление сделать великий политический проект от центра до левых и правых привели к дистанцированию»¹⁶ Сантоса от курса экс-президента Урибе.

Круг латиноамериканской политики замкнулся. Все государства региона без заметных исключений ищут решение социально-экономических проблем в рамках альтернативной политики, свободной от привязки к устаревшим догматическим правым и левым моделям и конфигурациям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: А.А.Слинько. Неевклидова политика: трансформация политических процессов в Латинской Америке (монография). Воронеж, 2010, 119 с.

² См.: Ю.Хабрмас. Расколотый Запад. М., 2008, 192 с.

³ См.: A.Maestre. El vértigo de la democracia. Madrid., 1996 p. 67.

⁴ Ibidem, p. 68.

⁵ Ibidem, p. 70.

⁶ Ibidem.

⁷ «Venecuba», a single nation. — <http://www.economist.com/node/15501911>

⁸ См.: El Diario. La Paz, 2.II.2012.

⁹ J.Zavala y A.Legre. Un viraje al centro-derecha. — <http://cambio16.es/not/1085>

¹⁰ El Telegrafo, 15.I.2012.

¹¹ El Expreso. Guayaquil, 3.II.2012.

¹² El País. Buenos Aires, 17.I.2012.

¹³ Nuevo Diario. Santo Domingo, 3.II.2012.

¹⁴ El Diario (De Coahuila), 3.II.2012.

¹⁵ El País. Montevideo, 7.II.2012.

¹⁶ R.Angoso. De la ineficiencia a la nostalgia. — <http://cambio16.es/not/1191>